

*Квакин А.В., д.и.н., профессор Кафедры истории Российского государства
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*

**Архетип, ментальность и оппозиция «свой – чужой»
в контексте истории**

Что есть современный российский миф, в его нынешнем понимании, — несоответствие реальности (в т.ч. и историческое), которое используется властями, организациями, СМИ, отдельными гражданами или новый виток древних праисторических мотивов? Он, подобно мифу древности, выполняет в такой трактовке космогоническую функцию — успокоение общества, до определенной степени его самоуспокоение. Для его создания и распространения используются архетипические бинарные оппозиции, которые в каждую конкретную эпоху имеют свое особое «менталитетное» выражение (например, возвращаясь к прошлому, оппозицию **свой** — **чужой** можно найти в монгольский период в противопоставлении христиан — татарин; недаром, именно после нашествия появляется термин «крестьянин», а сам татарин, по словам Белинского, «огадил в понятии русского» всякого иноземца¹; потом место татарина займут «латиняне», немцы, Запад в целом, и американцы в частности). В чем суть господствующих в то или иное время мифологем — о власти и государственности с предельной их идеализацией, мифологема интеллигенции о власти, революционная, дублировавшая в определенной степени старые, — всех этих «гражданских», по определению Дж. Бирлайна мифов, которые «создают основу для образования государства и обеспечивают полномочия правительства, объединяя всех граждан с помощью общего символизма»²? В какой степени данное понимание мифа отходит от понимания мифа архетипического?

Сразу поясним, что, беря конкретный отрезок истории, — не только первобытность, но и последующие эпохи, — сразу придется разграничить различные уровни мифа. Существует миф архетипический (первый уровень). Он сопоставим с древнейшими человеческими ощущениями, ориентацией человека в природной среде и сообществе себе подобных, с его «базовыми эмоциями» (*радость, удивление, гнев, страх, голод, сексуальное влечение и пр.*)³. Эти мифологические представления являются общечеловеческими. Строй образов такого мифа менее всего национально специфичен. Ведь в основе его — архетип, который пока не спешит меняться. Поэтому ту же бинарную оппозицию **свой** — **чужой** можно выделить, практически, в любую эпоху в любой стране. В основе ее — универсальная для человечества эгоцентрическая позиция познающего субъекта. В мифологическом пространстве существует сакральный центр и потенциально враждебная периферия — это достаточно универсальный психофизический механизм. А вот уже проекция а) на конкретные условия жизни нации и б) историческое развитие данной нации и дает конкретное преломление данного мифа в менталитете.

Тот же мифологический мотив **свой** — **чужой** постоянно обыгрывался в славянской, и особенно — русской традициях. Особые исторические,

¹ Белинский В.Г. Россия до Петра Великого // Русская идея. М., 1992, С. 145.

² Бирлайн Дж. Параллельная мифология // Миф и мифология в современной России. М., 2000, С. 161.

³ См. : Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа// Миф и мифология в современной России. 2000, С. 18.

географические, геополитические, религиозные факторы существенно обострили эту оппозицию (открытость границ нашествиям, татаро-монгольское иго и т.д.). Это повлияло и на характер нашей государственности (как говорил Ключевский, бедное государство должно было содержать большую армию, а потому давало служилым людям земли, а чтобы обеспечить их боевую готовность, постепенно закрепощало крестьян). Однако более важен тот факт, что сам этот архетипический мотив и его актуальность не угасали со временем, а иногда принимали даже угрожающий размах. Здесь стоит отметить еще один важный фактор сего — особенность самой сущности российской цивилизации.

Долгое время, пожалуй, вплоть до XX века, Россия оставалась крестьянской цивилизацией с традиционным типом культуры. Вернувшись назад, еще в эпоху первобытности, вспомним, что зрелая и поздняя первобытность представлены неолитическими культурами⁴. В результате «неолитической революции» возникают скотоводство и земледелие. В неолите появляется общественно-экономический, культурный, бытовой, психологический уклад, который называется крестьянской (земледельческой) цивилизацией. Идеология крестьянской цивилизации – **миф**, анимистические верования (т.е. вера во всеобщую одушевленность мира), основная социальная ячейка – большая семья. Мировая деревня удивительно однородна: от Атлантики до Китая сходные орудия труда, фольклорные сюжеты, кровнородственные связи и верования.

Ментальность деревни направлена на поддержание ее устойчивого уклада. Жизнь подчинена ритмам природы и аграрных работ, стародавним обычаям, которые, кажется, существуют вечно. Человек тут не ждет быстрой смены событий. Большинство психокультурных особенностей крестьянской цивилизации основаны на том, что это:

- а) «экологическое» сообщество, погруженное в природу и воспроизводящее ее ритмы;
- б) среда непосредственного общения, где все люди знают друг друга в лицо и проводят всю жизнь в знакомом окружении.

Люди, живущие в окружении природы, определяют себя и свой мир посредством символизирования процессов роста и размножения. Наблюдение за ритмами ежегодно засыпающей и возрождающейся природы, сменой сезонов, дня и ночи порождают скорее циклическое, чем линейное ощущение времени. Ход его осмысливается как «навечно установленный сценарий «первособытий» с их циклически воспроизводимыми последствиями и контекстами; этот сценарий вновь и вновь проигрывается в обрядах и культурах.

Консервативность крестьянина, а особенно русского, уже давно стала объектом и исследований, и спекуляций. Несомненно, при том, важность, определяющая роль обрядов в нашей культуре. Особенно интересной, нетрадиционной показалась мне точка зрения К. Касьяновой по данному вопросу: по мнению исследователя, обряды в нашей культуре осуществляли функцию эмоциональной «разрядки» эпилептоида. Притом что праздничное членение года характерно для всех народов, для «эпилептоида» требуется много времени, чтобы раскататься, «войти» в праздник, погулять. Поскольку с развитием общества работы все прибавлялось, сокращалось время праздника, посему эпилептоид прибегнул к выпивке – стал употреблять водку *вместо* праздника⁵.

⁴ См.: Шкуратов В. Историческая психология. Ростов, 1990.

⁵ См. Касьянова К. О русском национальном характере. М. 1994.

Вернемся, впрочем, к циклическому ощущению времени. (Наряду с «линейной», эта модель присутствует в тех или иных традициях. Их сочетание образует некий компромисс⁶). Поэтому и мифологические мотивы, оппозиции «свои» – «чужие» так часто вновь и вновь актуализируются, приобретают новое выражение, оставаясь, по сути, старым содержанием при новой форме. Напрашивается даже число умозрительный вывод, что культура наша предопределенно «смакует» архетипические мотивы и не дает им угаснуть (что, по Юнгу, является насущной проблемой современности), а посему и проводятся в наши дни целые конференции по проблемам мифа и мифологии в России. И заложено это было — изначально, когда культура только возникала.

Итак, «первый уровень» мифа — миф архетипический, помимо обычных своих характеристик, имеет для нашей культуры, бывшей до недавнего времени крестьянской по своему типу, особое значение. Особая ментальность деревни обусловила удивительную живучесть мифа в нашем обществе — во многом в его исходной форме.

В какой-то степени мы уже сказали о проекции мифа архетипического на конкретные исторические условия. Через эти проекции миф присутствует «здесь» и «сейчас», до сих пор создает эту «вторую реальность». Однако у меня возникает все же вопрос. Мифы, продолжающие вплоть до настоящего времени идущую из глубины веков архаическую модель, постоянно обновляющие свою форму хотя бы в силу параллельного развития позитивного знания, — какова их природа? Может, мифологическое мышление — это не только удел первобытности (тем более, что мы уже отметили, говоря об истоках архетипа, что считаем письменную и дописьменную типы культуру более близкими к ментальности)? Миф, допустим, о власти, прошлого века, — он проецирует миф архетипический, то есть отражает, в известной мере, архетип, но можно ли в этом случае сказать, что он — есть проявление менталитета? По-видимому, да, учитывая, что менталитет есть проекция архетипа, о чем мы уже говорили. Но тогда что же делать со следующим уровнем мифов — мифов-«однодневок»?

Следует ли относить их к слою «быстрой» ментальности? Или перед нами просто некорректное определение, и этот уровень мифов стоит отнести к менталитету? Возможно, здесь мы несколько злоупотребим аналогией, но вспомним, что свою доктрину Юнг, Фрейд и их последователи вырабатывали, во многом основываясь на практических изысканиях — путем анализа снов пациентов, содержащих глубинные архетипические образы. По крайней мере, современная российская «мифология» также напоминает кошмарный сон с его утрированностью, аморфностью, «распыленностью», полицентризмом и неустойчивостью. Ряд исследователей, в частности, А.Л. Топорков отмечают, что после краха «тоталитарной мифологии» в обществе резко началась ремифологизация. Главное отличие современных политических мифов от той же теории «официальной народности» XIX века в том, что они *«создаются людьми и группировками, опираясь на научные теории»*⁷. Теория же Уварова, хотя и натянутая, и двусмысленная (ее все трактовали по-своему — и правительство, и либералы), отражает все-таки идущую из темной эпохи русскую идею в ее властном варианте. Политические мифы XX столетия действительно используют сложившиеся стереотипы (и даже архетипы) и выполняют основные функции мифа — самоуспокоение, самоопределение,

⁶ См. Неклюдов С.Ю. Указ. соч., С. 24.

⁷ Топорков А.Л. Миф: традиция и психология восприятия // Миф и мифология в современной России..., 2000, С. 31.

оборона и разграничение с внешним миром, т.е. определенного рода психологическую компенсацию. Но они ведь зачастую не являются нормальным психическим явлением (нормальным не в смысле «естественным» — они-то вполне естественны, т.к. зачастую спекулируют на Тени, а в смысле (не)клинической патологии).

Возьмем, к примеру, миф о царской семье и быстро развивающийся культ царственных мучеников. В связи с коллапсом СССР (особенно это проявилось в начале 90-х) особое развитие получили мифы о дореволюционном прошлом народа (например, о его патологической, создается впечатление, благочестивости и вере, не угасавшей даже в эпоху воинствующего атеизма), ввиду того, что новая власть не оказалась способной на новую идею, реально сплотившую бы нацию. Разрушение старой идеологии привело к потрясающим деталям нашей истории, зачастую даже не известные современникам. Естественной реакцией на метания современной идеологии и следствием роста реваншистских настроений в последние годы и ненависти к бездарной и продажной власти стала идея о новом «царе» (можно и президенте, на худой конец), который спасет Россию, а также потребность в новом «культурном герое»⁸, с которым могло бы себя отождествить общество. Поэтому так и развивается данный культ, парадоксальный сам по себе, — культ, несомненно, прекрасной семьи, но семьи самого бездарного царя русской истории. Разве этот миф будет долго жить? Пройдет актуальность проблемы, болезненное восприятие былого, и историки будущего расставят все по местам. Но вот та же «русская идея» будет жить и жить. В историческом контексте первый миф гораздо более узок, чем второй, ставший уже определенной традицией (не всеми разделяемой, но все же) и отражающий, вошедший в менталитет. Поэтому вопрос, относить ли миф-однодневку к менталитету достаточно неясен. Предлагаю отнести его к слою «быстрой» ментальности, меняющейся буквально по поколениям.

Таким образом, если второй уровень мифа связан с некими общими закономерностями истории, то третий уровень мифов — не что иное как восприятие мира конкретным поколением.

Мы рассмотрели разные «виды» мифов, однако в целом ведь разграничение это имеет мало практической ценности. Все эти мифы, от древних мифов власти, «русской идеи» до современных мистификаций решают, по сути, одни и те же задачи, определенные их основой — архетипом. Они работают на самоидентификацию общества и нации, выполняют космогоническую функцию и т.д. и т.п. Архетип же, по словам Юнга, — это своего рода «*ментальная терапия от страданий и волнений всего человечества — голода, войн, болезней, старости, смерти*»⁹. Комплексы — это компенсация за «однобокость или ошибочность рассудочного восприятия», а архетипы — это что-то вроде общественных комплексов.

К примеру, миф о герое повсеместно распространен, т.к. посредством приобщения к обрядам, повторения священных текстов и ритуальных плясок человек может освободиться от своего бессилия и убогости и обрести, хотя бы временно, почти сверхчеловеческие способности. Когда с развитием государственного начала древний тотемный герой стал постепенно отождествляться с князем, последний, естественно, стал рассматриваться как

⁸ См.: Левкиевская Е. Русская идея в контексте... // Миф и мифология в современной России. 2000, С. 91.

⁹ Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 1997, С. 76.

защитник и «отец родной». Подобная традиция получила свое дальнейшее развитие в силу нескольких причин.

Во-первых, патернализм в нашей культуре основан на переносе, с процессом роста государства, ценностей локальной общности на общегосударственный уровень.

Во-вторых, подсобило христианство: историк И.Н. Ионов отмечал, что одним из «центральных понятий государственной идеологии Византии было понятие таксиса, сущность которого заключалась... в сближении, соединении земного и небесного порядков. Соединяющей силой была власть императора, нормальное функционирование которой во многом снимало» противоречие между земным и небесным порядками. Тем самым в православии власть «настоящего», православного царя становилась гарантом возможности будущего «спасения» после смерти... В русском городе перед человеком открывался... политический путь «спасения», причем с сильной коллективной составляющей...»¹⁰. Отсюда, очевидно, идут поиски настоящего «царя» в России. Даже в СССР по-прежнему оставалась харизматическая власть и государство. Поэтому в конце XVIII века народные массы шли не за Емельяном Пугачевым, а за «народным царем» Петром III Федоровичем.

Все это вызвало то, что К. Касьянова окрестила «двоящимся обществом». — «Мы изначально слабо представляем себе распределение функций между учреждениями, способы их взаимодействия, а посему пытаемся по мере возможного обходиться своими средствами. Когда нам это не удастся, мы вламываемся в первое попавшееся учреждение и требуем решения нашего дела немедленно, а если это не удастся, то ругаем учреждение за бюрократизм, волокиту. Чем доказываем, что **формальное мы вообще исключаем в своем сознании из сферы «человеческого».**

*И это не только отношение к этому государству, оно имеет очень древнее происхождение. У нас всегда были склонны искать в должностном лице человека, и, не найдя, впадали в отчаяние. Представитель государства, т.о. уже не был частью человеческого. На само государство посему смотрели, как на врага, на которого не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, обворовывать, обещания, данные государству, можно не выполнять, с ним можно бороться. **Знать свое государство мы не хотим.** Все социальные институты нашего общества как бы двоятся — извне они задаются государством, обосновываются законами и обосновываются принятой идеологией; изнутри они «стоят» нашими этническими моделями поведения»¹¹.*

Последствия сего очень даже очевидны — большая охота на государство и его представителей в конце XIX – начале XX веков, неприятие интеллигенцией власти, недоверие и отчуждение, которое испытываем мы и сейчас. Так что пример этот очень даже актуальный. Или, к примеру, Смутное время — период всевозможных бедствий, породило миф о «старых добрых временах» при царе Иване IV — «Грозном, но справедливом». Угнетение национального самосознания зачастую приводило к созданию религиозных и политических мифов. Оформление русской религиозной идеи связывается именно с подъемом национального самосознания в XIV – XV веках, после Куликовской битвы 1380

¹⁰ Ионов И.Н. Россия и современная цивилизация // Отечественная история. М.1992, С. 78.

¹¹ Касьянова К. Указ. соч., С. 208.

года. В наше время также нередко ностальгия по советским временам — это не что иное, как ментальная терапия.

Характерно поэтому, что в периоды бедствий растет мифологизация общества, — своеобразная компенсация за условия существования. Не это ли определило, например, успех советской идеологии (имеющей религиозную структуру) после гражданской войны, или «охоту на ведьм» после Второй Мировой, или современную ремифологизацию?..

Таким образом, миф в российской истории всегда был, так сказать, национальным методом терапии. Я не рискну обобщать это положение на другие цивилизации, имеющие похожий культурный уклад, в силу малой ознакомленности с их традициями, но, по крайней мере, для нашей страны проблема эта остается проблемой.

Итак, на основе целого ряда работ, я попытался дать некий упорядоченный (но отнюдь не законченный) подход к историческому развитию оппозиции «свои» — «чужие» в целом с позиций соотношения архетип — менталитет. Очевидно, именно отсутствие обобщающих, авторитетных работ в этой области дало мне возможность определить какой-то новый аспект в этой проблеме, однако решить ее может лишь глубокий, капитальный анализ человеческой истории. В перспективе подобный подход, что видно на примере книги В. Шкуратова, обещает дать картину истории и реальности, куда более широкую, чем дал ее в свое время марксизм-ленинизм, и ознаменовать новый этап в развитии самосознания человека. Накопленный опыт и знания человечества требует упорядоченной картины мира, как это было в прошлом, но развитие позитивного знания делает это обобщение куда более сложным в наши дни. В отношении нашей страны, проблема актуальна ввиду того, что предполагает рассмотрение субъекта, носителя психики, влияющего на историю. Это не значит, что следует без разбору отбрасывать старый традиционный подход к истории, но в истории нашей страны и в построении нового общества *граждан* необходимо, чтобы признавалась ценность каждого человека, его способность и право на участие в жизни общества. Притом что ментальность закладывается в нем воспитанием, архетип уже заложен в человеке, а потому индивид представляет собой ценность вне рамок социальной группы, класса, общины, даже семьи, осознание чего в принципе нехарактерно для России ни дореволюционной, ни советской. Понимание того, что человек творит историю, жизненно необходимо для построения не только гражданского общества, но и правового государства.

©Андрей Квакин, 27 Апреля 2001 г.